

амбивалентности любых попыток обосновать однозначную технократическую перспективу разрешения извечной метафизической дилеммы науки и культуры. А это означает, что возможная оценка грядущей эпохи постчеловека, по-прежнему, остаётся в пространстве выбора между фантомом и реальностью.

Библиографические ссылки

1. Зеленков, А.И. Концепция макроистории Ю.Н.Харари: истоки популярности и академический статус / А.И.Зеленков, Я.А.Ягело // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 4. – С. 15–27.
2. Harari, Y.N. Homo Deus: A Brief History of Tomorrow / Y.N.Harari. – London: Vintage, Penguin Random House, 2016. – 514 p.
3. Харари, Ю.Н. Homo Deus: Краткая история будущего / Ю.Н.Харари. – М.: Синдбад, 2018. – 496 с.

ОБЩЕСТВО «ПО ТУ СТОРОНУ ПОТРЕБЛЕНИЯ». СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ В.В. РОСТОУ

А. К. Мамедов

МГУ имени М.В. Ломоносова

Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33, 119 234, Москва, Россия

aktmnauka@yandex.ru

В статье с целью примера концептуального подхода в социальном проектировании с позиций критического анализа отражены исторические вехи эволюции общественного развития в системе социологической мысли В.В. Ростоу. Для развития концепции Ростоу в отношении будущего в качестве основания применен системный инструмент анализа социальных явлений – онтикология, развитый Леви Брайантом. Показано, что онтикологический подход открывает новое пространство для социально-философского анализа и прогнозирования, что особенно актуально в контексте современного стремительно меняющегося состояния общества, обеспечивая фокусировку на главных цивилизационных проблемах и моделях их решения, в том числе и для решения онтологического вопроса в отношении искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *онтикология; стадии экономического роста; социальное проектирование; модели, общественные формации; цифровизация; демократия объектов; общество личностей.*

Социальная рефлексия о грядущем переустройстве мира обширна. Но она (рефлексия) предполагает и качественный анализ уже накопленного научного дискурса. Нетривиальным, на наш взгляд, является подход В.В. Ростоу, который рассматривает преобразование любых преимуществ в материальные ресурсы как ключевой механизм социальных преобразований и перехода общества на новые стадии развития. По его мнению, «общим требованием эпохи перехода является принятие мер для быстрого повышения производительности всех наиболее доступных естественных источников сырья и ресурсов» [5, с. 18]; экономическая база, хотя и не исчерпывает социальной реальности, чётко выявляет конкуренцию за богатство и возможности процветания. Вместе с тем Ростоу подчёркивает, что наряду с экономическими факторами важна трансформация человека новой формации, которая в странах Запада долгое время имела приоритетное значение. Он постулирует необходимость конвертации ресурсов в экономические блага на различных этапах истории, при этом практики и контролируемые последствия конверсии могут существенно различаться: «Выделение стадий роста имеет целью более выпукло представить не только единообразие этапов модернизации хозяйства, но и – не в меньшей мере – своеобразие опыта каждого народа» [5, с. 18].

Классическая структура стадий по Ростоу:

1. Стадия традиционного общества.
2. Общество в переходном состоянии.
3. Стадия общества подъёма.
4. Стадия быстрого созревания.
5. Общество высокого массового потребления.

Теория, разработанная в 1950-е гг., описывает также риск возникновения общества, ограниченного «потолком» технологического или ресурсного обеспечения, где системные перемены блокируются и институциональная динамика ориентирована на поддержание существующего порядка. В традиционных обществах социальная устойчивость обеспечивает воспроизводство ценностей, а не персонализация власти: ключевыми становятся индивиды и институты, обороняющие статус-кво; социальная мобильность часто осуществляется через фаворитизм, личные связи или внешнюю мобилизацию против «врагов», что напоминает идеологические конструкции вроде «Доктрины Монро». В качестве иллюстрации автор приводит исламские общества возрождения, где статусные позиции занимают хранители традиции – религиозные и военные элиты,

строительные предприниматели и пр., в то время как ролевые позиции типа банкира-проценщика оказываются маргинализованы [5, с. 111].

История демонстрирует цикличность стратегий повышения статуса обществ; завоевание места на мировой арене подвержено случайным и контекстуальным изменениям. Теория А.Д. Тойнби («вызов и ответ») служит здесь объяснением: внешнее давление консолидирует внутренние силы и может породить прорыв цивилизации, опирающийся на религиозное или идеологическое единство и территориальную целостность. В ситуациях, когда вокруг потенциальной цивилизационной общности строится искусственный барьер, прорыв кажется неизбежным; единство религии/идеи и целостность территории выступают факторами консолидации.

Отличие «общества подъёма» от традиционного состояния состоит в наличии единой цели развития, тогда как способы её достижения и каналы статусного роста различны. Статус получают те, кто вносит полезные экономические инновации; историческим примером служит разночинство в России, разрушавшее сословные преграды и вводившее в управление новых по происхождению людей с иным идеологическим содержанием. Идеологический миф о поднятии статуса (форма «мании становления Великого Человека») выступал катализатором социальных трансформаций и притязаний людей, стремящихся выйти за предписанные сословные рамки [3, с. 156].

Стадия подъёма характеризуется значительной неравномерностью отраслевого развития: одни профессии и сектора получают высокий престиж и доходность, другие – отстают. Это порождает несправедливость в распределении благ, несмотря на общий экономический рост и повышение уровня жизни. Миграционные и профессиональные перестройки совершают прежде всего те, кто руководствуется личной выгодой или способен мыслить на государственном уровне; для большинства людей радикальные перемены остаются затруднительными вследствие ограничений жизненного цикла и затрат на переквалификацию.

В этот период роль действительных творцов технологий ограничена: первооткрыватели и статусные игроки аккумулируют идеи и ресурсы, а рынок, расширяясь, снижает цену технологий. Возрастает значение бюрократии и легитимных администраторов, оказывается более важной способность организовать внедрение, чем собственная инновационная изобретательность. Становление рынка порождает спрос на разнообразные

технологии, однако их распространение оказывается неравномерным, усиливая статусные различия.

Феномен общества массового потребления обусловлен массовой ориентацией на покупку и поддерживается социальными технологиями, кредитной системой и маркетингом; он может скрывать глубокие структурные сдвиги. Ж. Бодрийяр справедливо отмечал, что такое общество – не столько «общество изобилия», сколько «паллиативная форма культурного извращения», маскирующая вредоносные структурные изменения: «гомеопатическая терапия роста посредством роста» [1, с. 33]. К. Штайнер указывает на природу конкурентного поведения, при котором ограниченные ресурсы концентрируются у немногих, а многие лишаются доступа к излишкам; это поведение универсально относительно типов ресурсов и отражает погоню за статусом. Подобная динамика превращает товары в бренды, где цена определяется не только себестоимостью, но и престижем, а критерий ценности часто определяется объёмом продаж и прибылью, а не общественной пользой [5, с. 111]; интервью российских предпринимателей подтверждают роль владельца бренда в формировании ценовой премии [4, с. 72]. Росту придерживался более оптимистичного видения: он считал, что общество массового потребления развивается в условиях свободы хозяйственной инициативы и удовлетворения желаний потребителя, где последний стоит превыше прочего («в обществах, предоставляющих свободу хозяйственной инициативе, где желания потребителя стоят выше всего» [8, 56]). Однако на практике это привело не столько к универсальному благосостоянию, сколько к усилению неравенства и культурной трансформации потребления. Росту романтизировал демографическую динамику США, опираясь на модель трёх поколений (Т. Манн): первое поколение стремится к богатству, второе – к власти, третье – к творчеству [5, с. 137]; но современная демографическая динамика глобальна и включает миграционные потоки из стран с низкой квалификацией, что иным образом изменяет структуру трудовых ресурсов и культурных установок.

Современный цифровой мир, возникнув как инструмент маркетинга, не выполнил обещаний равномерного преодоления неравенства: он скорее усилил возможности потребления и создал новые формы неравенства. В этой связи необходимо пересмотреть методологические основания прогнозирования: классическая антропоцентрическая онтология ограничивает возможность учёта «нечеловеческих акторов», чья роль в социотехнических ансамблях возрастает [8, с. 58].

Онтикология Л. Брайанта предлагает альтернативу: она рассматривает объекты (включая людей) как равноправные сущности и утверждает бытие объектов независимо от человеческой репрезентации. «В рамках онтикологии есть лишь один вид сущего – объекты <...> люди <...> являются объектами среди объектов... и каждый вид обладает своими особенными силами и способностями» [2, с. 20]. Онтичность снимает преимущество человека как фундаментальной репрезентационной позиции: объекты вступают в ассамбляжи разных уровней, и ни один объект не служит основой всех прочих [2, с. 19, 20]. Такой сдвиг служит аргументом в пользу рассмотрения общества «по ту сторону потребления» через призму взаимоотношений субъектов и «нечеловеческих» акторов.

Онтикологический подход прежде всего признателен к роли нечеловеческих акторов в человеческих коллективах и к их влиянию на возможности существования: инфраструктурные объекты (колодцы, дороги), технологические системы, информационные сети и пр. радикально определяют траектории коллективов и возможности доступа к ресурсам; внимание к ним способствует разработке стратегий композиции коллективов и альтернатив занятости [2, 297]. Во-вторых, онтикология нейтрализует догмы экологического или технологического детерминизма: объекты соотносятся друг с другом через свои дистинкции, что ограничивает прямое детерминированное воздействие и выявляет «слепые зоны» влияния объектов, облегчая идентификацию ключевых проблем цивилизации.

В результате фокус внимания смещается на ограниченное число принципиальных проблем, формирующих ближайшее будущее:

1) Глобализация интернета. Необходима новая архитектура сетевого пространства, в которой стираются языковые и брендовые барьеры; однако массовый доступ к информации должен сочетаться с массовым доступом к экономическим ресурсам, иначе информационная глобализация лишь усилит неравенство.

2) Истощение невозобновляемых ресурсов. Проект общества потребления завершится не вследствие снижения спроса (которое поддерживается социальными технологиями), а по причине дефицита ресурсов, что делает переходы к устойчивым моделям критически важными.

3) Экономическое неравенство. Элиты будут искать основания для закрепления неравенства, в том числе через регуляцию объёма

коммуникативных потоков и доступов к экономическим акторам; цифровая инфраструктура создаёт новые, менее очевидные механизмы исключения.

4) Проблема естественного отбора в человеческой популяции. В современных условиях лишь немногие индивиды соответствуют требованиям общества будущего; это порождает вопросы о регуляции поведения, ценностных ориентациях и образовании, которые должны опираться на рациональность, этику и, возможно, переформатирование религиозных и институциональных ориентиров (вспомним призывы к регуляции поведения в духе маркиза де Сада [6]).

В.В. Росту подчёркивал, что успешные примеры перехода (включая китайский путь) демонстрируют возможность государственно спланированных социологических целей: в Китае государственная политика, направленная на модернизацию, преодолела традиционные барьеры. В цифровую эпоху создание искусственного неравенства усложняется, что рождает новые «неочевидные» способы его институционализации; одновременно усиливается потенциал прямой демократии – расширения участия граждан в принятии решений при помощи цифровых инструментов [5, с. 17]. Брайант трактует «демократию объектов» как онтологическое утверждение равного бытия объектов, а не как политический тезис: объекты существуют одинаково, но неодинаково они входят в ассамбляжи разных уровней, и ни один объект не задаёт онтологической основы для других [2, с. 19, 20]. На прикладном уровне это означает расширение возможностей для включения разнообразных акторов (человеческих и нечеловеческих) в процессы принятия решений.

Онтикология открывает множественные «точки роста» для прогноза ближайшего будущего: отношение человек–объект не имеет метафизической привилегии; оно является частным случаем более широкой онтологической картины. Децентрация человека с онтологического пьедестала не отменяет анализа социальных отношений, но переставляет акценты – исследование становится анализом региональных онтологий, где каждая форма взаимодействия объектов требует собственных методов и критериев. Это особенно важно при рассмотрении статуса ИИ и иных нечеловеческих акторов в будущих цивилизационных конфигурациях: форм перевода и соотношений между объектами много, и каждая требует отдельного теоретического и эмпирического прояснения [2, с. 290].

Закключение. Интерпретация «общества по ту сторону потребления» в контексте прогнозов Росту и онтикологического сдвига позволяет сочетать экономический детерминант развития с вниманием к инфраструктурным,

технологическим и «нечеловеческим» акторам, чья роль в цифровую эпоху возрастает. Основные вызовы ближайшего будущего – архитектура глобальной сети, исчерпание ресурсов, усиливающееся экономическое неравенство и демографико-биологические изменения – требуют комплексных политик, учитывающих как конверсию ресурсов в экономику (Росту), так и множественность акторов и их дистинкций (онтикология). Такой подход даёт методологическую основу для анализа возможных путей преодоления ограничений потребительской модели и проектирования более устойчивых, инклюзивных форм коллективного существования.

Библиографические ссылки

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. Е.А. Самарской]. – М.: Изд-во АСТ, 2020. – 320 с.
2. Брайант Леви Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант; пер. с англ. О. С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
3. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: различия в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной; Под ред. А.Б. Каменского. – М.: Логос, 2002. – 272 с.
4. Ильин А.Н. Безнравственный потенциал психологии потребления // Социальное проектирование: теория и практика. Материалы VII заочной Международной научно-практической конференции / Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2014. – 357 с. – С. 72.
5. Росту В.В. Стадии экономического роста / Пер с англ. В.П. Марченко. – Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. – 236 с.
6. Сад Де. Французы, ещё одно усилие, если вы хотите быть гражданами республики / Жюстина, или несчастная судьба добродетели. – М.: Изд-во «Интербук», 1991. – 336 с.
7. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. – СПб.: Питер, 2003. – 416 с. – С. 215-216.
8. Мамедов А.К. Власть как символ: социокультурный дискурс. Культура и цивилизация/издательство АНАЛИТИКА РОДИС, том 14, №10 А, с 55-68.

ЧЕЛОВЕКОМЕРНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ТЕНДЕНЦИЙ КОЭВОЛЮЦИИ КАК ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ И СОЦИОПРИРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

П. М. Бурак

*Белорусский государственный технологический университет,
Ул. Свердлова, 13а, 220006, Минск, Беларусь*